

чаях есть все основания видеть отражение реальных фактов, по иным источникам нам неизвестных, а не ошибки или выдумки автора „Сказания“.

Дело в том, что все вышеперечисленные уделы образуются в составе княжеств Белозерского и Ярославского в годы с конца XIV—начала XV века и в том же XV веке все они прекращают свое существование. Это настолько мелкие, незначительные и кратковременно существовавшие уделы, что упоминание их как самостоятельных единиц в „Сказании“ говорит о том, что оно было написано в начале XV века, когда эти уделы имели значение и именовались как отдельные земли в составе Белозерского и Ярославского княжеств.

Перечисление этих княжеств в начале „Сказания“ объясняет упоминание в конце памятника 8 убитых белозерских князей. Белозерскими князьями названы в „Сказании“ и кемский, и каргопольский (искаженное написание Карголомского княжества), и андомские князья, уделы которых действительно входили в состав Белозерского княжества. Таким образом, как в упоминании этих князей, так и в словах о том, что было убито 8 белозерских князей, нет никаких оснований видеть ошибку.

Из обзора всех так называемых анахронизмов „Сказания“ мы видим, что нет никакой причины считать на основании их „Сказание“ написанным значительно позже, чем произошли события, в нем описываемые.

Более того, все „аняхронизмы“ свидетельствуют скорее о том, что „Сказание“ было написано еще по свежим воспоминаниям о битве на Куликовом поле; больше оснований видеть в них сообщения о таких фактах, которые были известны лишь современникам и по каким-то причинам в летописные записи не попали, а сохранились только в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Итак, можно утверждать, что время возникновения „Сказания“ относится к первой половине XV века. Характер памятника противоречит возможности возникновения его во время феодальной смуты, поэтому мы можем еще точнее ограничить время написания „Сказания“ — первой четвертью XV века.

После Едигеева нашествия в 1408 году вопрос о взаимоотношениях с Ордой, о татарской опасности вновь всплывает на поверхность общественной и политической жизни Руси. Едигеево нашествие показало, что Орда еще сильна и опасность татарских набегов на Русь была реальной и страшной. Но пример Куликовской битвы свидетельствовал о том, что с этой опасностью можно успешно бороться, что Москва способна нанести сильное поражение Орде.

Именно в это время, когда опасность нападения Орды была как бы забыта, а потом вновь дала знать себя после Едигеева нашествия, должен был появиться усиленный интерес к недавнему прошлому, когда московский князь, объединив вокруг Москвы остальные княжества северо-восточной Руси, нанес жестокое поражение военному походу татар. Нашествие Едигея пробуждает с еще большей остротой мысль о необходимости единения русских князей для борьбы с внешним врагом, так как в победе Дмитрия Донского видели силу единения русских князей, русских земель во главе с Москвой, великим князем московским. Эта мысль отчетливо звучит в высказываниях летописца тех лет, она же является основной и в „Сказании о Мамаевом побоище“.

Конец XIV—начало XV века, время после Куликовской битвы, ознаменовалось расцветом русской культуры. Для русской культуры этого периода характерно „особое внимание к государственным инте-